

рассмотрение функций имен по языковым уровням: как звукобуквенного комплекса, как слова (лексико-грамматические и словообразовательные средства), как элемента синтаксической структуры. Не прошел автор мимо обращения и риторических фигур с ИС.

В заключение автор формулирует общие принципы изучения ИС в художественных произведениях, главным из которых признается принцип исследования поэтики онама одновременно по двум линиям: от ономастики и от поэтики.

Несмотря на некоторую перегруженность далековатыми от непосредственного анализа ИС экскурсами, книга оставляет очень хорошее впечатление. Во-первых, ее просто интересно читать. Во-вторых (на самом деле это, конечно, главное), перед нами поистине фундаментальный труд в области литературной ономастики (хотя сам автор предпочитает другую терминологию), содержащий оригинальную концепцию и много интересного материала, а также, что особенно ценно, задающий перспективы.

Вместе с тем книга заставляет задуматься о следующем: если взглянуть на библиографию, насчитывающую 308 наименований (из них 22 на латинице), бросается в глаза хорошее знакомство автора с польской литературной ономастикой. Однако за информационным «железным занавесом» остались для автора не только многие европейские ономасты, но и русская исследовательница из Санкт-Петербурга О. И. Фояякова, признанный авторитет в области литературной ономастики [см.: Фояякова, 1990; 1995]. Понятно, что параллельное развитие литературной ономастики в разных странах и на разных языках связано с информационными и языковыми барьерами. В то же время успехи в теории, как демонстрирует эта книга, не связаны с владением и обработкой международной информации. А раз так, то не является ли литературная ономастика в принципе региональной дисциплиной, где гармонично сосуществуют «родной» материал и теоретический взгляд на него? И не является ли она преимущественно индуктивной дисциплиной, где именно текст (жанр, язык, на котором он написан) диктует, какой должна быть теория? Впрочем, сформулированные вопросы несколько не умаляют достоинств этой замечательной книги, автор которой открыл и подробно обосновал новый аспект никогда не теряющей актуальности проблемы изучения собственных имен в художественных текстах.

Султанов А. Х. Краткий очерк по истории русской философии имени. М., 2000.

Фояякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

Фояякова О. И. Имя собственное в художественной картине мира писателя // Словоупотребление и стиль писателя. СПб., 1995. С. 47–61.

Dolny C. Literarische Funktionen der Personeneigennamen in den Novellen und Erzählungen von I. S. Turgenew. Bern e.a. 1996 [= Slavica Helvetica 51].

Lamping D. Der Name in der Erzaehlung: Zur Poetik des Personennamens. Bonn, 1983.

Н. В. Васильева, канд. филол. наук,
старш. науч. сотр. отдела прикладного языкознания
Института языкознания РАН (Москва)

Чужое имя: Альманах «Канун». Вып. 6) / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб., 2001. – 438 с.

Альманах «Канун», вышедший в Санкт-Петербурге в 2001 г. под заголовком «Чужое имя», включил в себя произведения разных жанров (статьи, публикации, эссе, стихотворные переводы), посвященные одному объекту – имени – и объединенные сходной направленностью – стремлением объяснить феномен онама и связанную с ним именующую деятельность с общих семиотических позиций. Имя предстает в качестве социокультурного знака, обладающего ценностью и способного подвергаться новым интерпретациям в разных культурных контекстах и разных гранях деятельности человеческого сознания. Различия в выборе фокуса исследовательского видения имени делают мате-

риалы альманаха взаимодополняющими, они демонстрируют богатый смысловой потенциал имени и его вовлеченность во множество культурных кодов.

«Чужое имя» получает в дискурсе альманаха многочисленные истолкования. Как известно, противопоставление *свое – чужое* относится к фундаментальным культурным оппозициям и может кодироваться на разных онтологических уровнях культур – от социально-бытового до мировоззренческого. В рецензируемом сборнике дуальное смыслополагание в зависимости от расстановки акцентов динамически развертывается в разных интерпретационных схемах: чужое имя – принадлежащее иной культуре; чужое – второе (псевдонимное), заменяющее первое; чужое – чуждое, не ставшее своим; чужое – уже принадлежавшее кому-то и когда-то, имеющее прежних носителей; чужое – относящееся к инобытийной, сверхъестественной реальности и т. д. Таким образом, в кружение трактовок категории «чужого» в равной мере вовлекаются и горизонтальное (контекстуальное или текстуальное), и вертикальное (трансцендентное – мистическое, сакральное) восприятие и осмысление имени.

Остановимся на нескольких сквозных темах, формирующих, на наш взгляд, проблемный каркас сборника. Одна из них – природа имени как языкового знака и общие механизмы порождения смысла – обсуждается в работах Т. В. Черниговской «В своем ли мы имени?» и И. В. Утехина «Знак в поисках другого. О некоторых аспектах понятия асимметрического дуализма». В частности, Т. В. Черниговская с ссылкой на данные детской и кросс-культурной психологии и антропологии ставит под сомнение условность именного знака и выдвигает новаторскую гипотезу о сосуществовании кардинально отличных координат его измерения: с одной стороны, имя может осознаваться как конвенциональный знак, отделенный от своего носителя (чему способствует упорядочивающая роль языка и способность к рефлексированию, свойственная развитому сознанию), с другой стороны, имя нередко воспринимается синкретично, «гештальтно» – «как полноправная часть человеческой субъектности» (с. 246). Переход с одной системы отсчета на другую объясняется специфическими функциями левого и правого полушарий головного мозга, которые несут ответственность за разные типы сознания и, соответственно, разные семиотические системы: «Аристотелевская четкость левого полушария разбивается о диффузность, гештальтность правого: они с трудом сосуществуют, но не дублируют друг друга, а меняют шкалу предпочтений» (с. 250). Привлекая понятие виртуальной реальности, активно обсуждаемое в последние годы в ряде наук, автор соотносит с ним не только современные компьютерные миры, но и «большой набор иных “реальностей”, издревле человеку знакомых: сны, мифы, шаманство, игры, многие виды искусства и, наконец, особые состояния сознания, вызываемые различными причинами, – от естественных до патологических. Все они подразумевают, как правило, переидентификацию субъекта, в том числе и с эксплицитной сменой имени» (с. 251).

Разные миры даны человеку в силу двойственной природы головного мозга, большие полушария которого обеспечивают семиотическую гетерогенность, возможность дублирования, двоякого прочтения внешней и внутренней информации – вероятно, именно эти «альтернативно настроенные» субстраты и провоцируют появление всех возможных виртуальных миров, ведя некий диалог. Сходные мысли в отношении «мозгового диалога» отмечены у Л. В. Выготского, Вяч. Вс. Иванова, В. С. Библера, М. М. Бахтина (считавшего, что событие жизни текста, понимаемого в широком смысле, всегда развивается на рубеже двух сознаний), Ю. М. Лотмана (проводившего параллель между двуполушарной структурой мозга и культурой, в семиотической организации которой важен принцип биполярности).

К интерпретации антропонима в свете идей философии имени обращено внимание И. П. Смирнова («Философия имени: из лекций о самозванстве») и А. Шишкина («К философии литературного имени: Вячеслав, Вольфинг, Велимир и другие»).

Статья А. Шишкина посвящена псевдонимам конца XIX – начала XX в. Этот период интересен не только для истории русской антропонимической системы и псевдонимов как ее составной части, но и для истории отечественной философской и филологической мысли. Напряженное внимание к имени (и шире – к логосу, слову), увлеченность его тайной в равной мере отмечает и религиозно-философские искания, и художественные эксперименты. «Внешняя и внутренняя форма слова, архаика слова, связь его с первобытным магнетизмом, по-разному представая в поэтической мысли символистов, акмеистов и футуристов, в целом сосредотачивает на себе основное внимание эпохи. Высшее, трансцендентное отношение к слову в эту эпоху – учение имяславцев, приравнивающих слово к иконе» (с. 17).

На широком фактографическом материале, источником которого послужили мемуары, частная переписка, художественные тексты, Андрей Шишкин раскрывает подробности создания и смыслового

наполнения литературных имен А. Белого, Вяч. Иванова, Э. Медтнера, В. Хлебникова и др. Тонкий, детализированный анализ погружен в контекст культуры Серебряного века, что позволяет прояснить связи псевдонимов с эстетической позицией и творческим кредо их носителей, участие творческих имен в рождении личных мифов и «предрешении» судеб художников.

Иной, отличный от псевдонима, вариант самоименования предстает в феномене самозванства. В статье И. П. Смирнова самозванство (самозванчество) оценивается в свете тех объяснений, какие в целом получает знаковая специфика антропонима в разных парадигмах философии имени: в религиозно-философских учениях С. Бердяева, П. Флоренского, А. Ф. Loseва, в структуралистских взглядах Р. О. Якобсона, в постмодернистской философии С. Крипке и Ж. Дерриды.

Своеобразный «полифонический» материал в отношении народных и литературных трактовок самозванчества содержится в статье голландского исследователя Сандер Бауэр «Тема самозванчества в русской литературе: традиции, преемственность, новаторство». Автор раскрывает сложный комплекс фольклорных и литературных реминисценций, создающих смысловую глубину образа самозванца Ставрогина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

Еще одну сквозную тему альманаха можно условно выделить в связи с обсуждением в ряде работ динамики и сложных модификаций смыслового «шлейфа» имени и соотношенного с ним образа. Так, Е. Багно («Дон Хуан и Дон Кихоте») прослеживает формирование мифов о Дон Жуане и Дон Кихоте, разнообразие их вариативного развития в мировой и русской культуре, семантическое сближение и отталкивание при художественном освоении в отечественной литературе.

Изящный, тонкий анализ семантического резонанса, связанного с именем и образом фольклорного Буки в тексте стихотворения А. С. Пушкина «Сказки. Noël», выполнен в статье В. В. Головина («“Чужой” Бука – русский царь: к проблеме комментария пушкинского нозля»).

Яркая и убедительная картина синтеза разнородного культурного и именного материала представлена в работе А. Ф. Некрыловой («“Дамма” в народной драме»), посвященной поэтике имен персонажей в народном театре, возникшем «на стыке городской низовой культуры, профессионального театра и фольклорной (крестьянской) традиции, элементы, отголоски того, другого и третьего прослеживаются в различных его составляющих, в том числе наборе собственных имен» (с. 189).

Интереснейший поворот тема смысловой модификации имени и образа в исторически меняющемся социальном и культурном контексте получает в статьях Е. В. Душечкиной (о сложной и противоречивой судьбе имени *Светлана*, некогда опозитизированном В. Жуковским) и П. А. Клубкова (о коннотациях высокочастотных фамильных имен *Иванов*, *Петров*, *Сидоров*, способных обозначать условных персонажей или подчеркнута простых, рядовых граждан, и о формировании особой трехчленной формулы с участием этих антропонимов).

Семиотическое наполнение самого акта называния, именования человека и отношение носителей языка к личному именованному знаку также составляют один из «лейтмотивов» научного дискурса и в ряде публикаций занимают центральное место. В народной традиции, имеющей типологический характер и прозрачную социальную мотивацию, наречение – действие, совершаемое другими, теми, кто наделяет младенца именем, приобщая его тем самым к своим – человеческому сообществу, роду, семье. Об этом в полной мере свидетельствуют рассмотренные А. К. Байбуриным народные представления об имени («Заметки о прагматике имени в народной культуре»), которые подтверждаются как фольклорным, так и этнографическим материалом. А. К. Байбурин ссылается на поверья о принадлежности ребенка до получения имени скорее к иному миру, нежели к человеческому («без имени ребенок – чертенок»), на верования в охранительные свойства крестильного имени, призванного оберегать своего носителя и в земном, и в потустороннем мире.

Категория «чуждости» («чужести») в народной именующей практике, по мысли автора, обнаруживает двойственное «прочтение». С одной стороны, она используется как средство для обмана нечистой силы: изменение имени в случае болезни ребенка, по сути, имитировавшее его подмену, должно было помочь представить ребенка «чужим» и тем самым уберечь его (А. М. Селищев считал, что с обрядом «мены» связаны такие имена, как *Продан*, *Найден*, *Куплен*, *Ненаш* и др.).

С другой стороны, чужое имя – имя, уже кем-то ранее использовавшееся, и обряды перечисления имен и окликанья новорожденных, не подающих признаков жизни, трактуются как своеобразное приглашение к диалогу. Откликнуться в этой ситуации означает «вернуться» к жизни. «Собственно выбор своего имени осуществляется самим новорожденным. Вместе с тем его ответ означает и появление нового человека (с именем) среди живых» (с. 213).

«Возвращающую» функцию имени отчетливо прослеживает в культуре коренных народов, населяющих северо-восток Сибири и западные районы Аляски, Н. Б. Вахтин («Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири»). Отмечая ключевую роль представлений о непрерывности жизни в традиционной картине мира северных народов, автор выводит инвариантную модель осмысления связи между миром живых и мертвых: новорожденный ребенок считается новым воплощением кого-то из «вернувшихся» (родственников, односельчан, приметных животных и т. п.). Однако сходная религиозной семантика в обрядах именовании у северных этнических групп не отменяет существования вариаций, что Н. Б. Вахтин со ссылками на материалы ряда исследователей убедительно доказывает. Фактографическую ценность придают статье собственные полевые наблюдения автора за современным функционированием системы наречения у азиатских эскимосов, чуванцев, чукчей и юкагиров, позволяющие судить о смысловых преобразованиях существующей по сей день традиции возвращения некронима – яркость представлений о переселении душ снижается, «глубинная основа этих представлений начинает забываться и меняться, замещаясь концепциями “генов”, “крови”, а также идеей уважения к предкам» (с. 229).

Поведенческий стереотип именовании в честь старших родственников преобладает в настоящее время у русских, утверждает, основываясь на дискурсе семейных рассказов, И. А. Разумова («Второе имя (феномен “парности имен” по современным рассказам об имянаречении)»). Автор делает попытку обобщить современные мотивы выбора личного имени, показать наиболее типичные пути его поиска, охарактеризовать функциональное распределение парных имен, представить рефлексии в отношении того, какое из имен носители языка склонны признавать «своим». «Имя переживается и отчуждается носителем, если оно не соответствует его самоощущению, наблюдаемым и приписываемым характеристикам. С этим обстоятельством связано, в частности, самопереименование, которое может осуществляться в любом возрасте» (с. 341).

Безусловно интересный, имеющий самостоятельную информационную значимость фрагмент публикации – это сами тексты семейных рассказов об обстоятельствах появления вторых имен, об отношении к ним и способах их присвоения.

На столь же небанальном, свежем материале – рассказах об именах любимых игрушек (как правило, лишь эпизодически попадающем в поле зрения исследователей) строит свои наблюдения А. А. Литягин («Имена игрушек. “В раннем детстве всех кукол называла Катями...”»). Предметом публикации является специфика детского восприятия имени собственного и функционирование игровых имен. Основываясь на рассказах информантов двух поколений 1968–1974 гг. и 1980–1984 гг., А. А. Литягин отмечает отражение в мире «игрушечных» имен некоторых процессов, свойственных обычным, «взрослым» именам, и включенность их в социокультурный контекст конца XX столетия.

В целом, подводя итог эскизному обзору сборника «Канун», еще раз подчеркнем редкое созвучие представленных в нем научных идей, согласованность принципов и подходов к анализу семиотических свойств собственного имени, новизну и оригинальность привлекаемых материалов, а также их интерпретаций.

*М. В. Голомидова, доктор филол. наук, проф.,
проф. кафедры гуманитарного и социального образования
Уральского института социального образования
(Екатеринбург)*

Крюкова И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие: Учеб. пособие по спецкурсу. – Волгоград: Перемена, 2003. – 100 с.

В учебном пособии И. В. Крюковой «Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие» во главу угла ставятся задачи исследовательского характера: определить положение рекламных имен в ономастическом пространстве, выявить специфику полевой организации рекламных имен, проследить процессы создания и вхождения в язык рекламного имени, выявить закономерности их создания, восприятия и функционирования, особенности номинативной стратегии и тактики.